

Европейский клуб

Российский парламентский

The Russian parliamentary
European Club

Декабрь | 2020 | December

ХАРТИЯ для НОВОЙ ЕВРОПЫ

for a NEW EUROPE

CHARTER

ЕВРОПА 30 ЛЕТ СПУСТЯ

Europe 30 Years Later

**«ШОС+»: партийное измерение
на цифровой платформе**

SCO +: the Party Dimension
on a Digital Platform

**От Атлантики до Тихого океана –
V Фестивальный марафон-2021**

From Atlantic to Pacific –
V Festival Marathon-2021

Эксклюзивные мнения:

Алексей Громыко, Евгений Примаков,
Николай Малинов, Александр Вучич

Exclusive opinions:

Alexey Gromyko, Yevgeny Primakov,
Nikolay Malinov, Aleksandar Vucic

12+

ПАРИЖСКАЯ ХАРТИЯ ПОД ГРУЗОМ ВРЕМЕНИ

**Алексей
ГРОМЫКО,**
член-корреспондент РАН,
директор
Института
Европы РАН

**Alexey
GROMYKO,**
RAS
Corresponding
Member,
Director of
the Institute
of Europe of
the Russian
Academy of
Sciences (RAS)

21 ноября 2020 года исполнилось 30 лет Парижской хартии для новой Европы. К этому документу с тех пор обращались, цитировали его бесчисленное количество раз. Действительно, в русле деятельности Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (до 1 января 1995 года – Совещание по безопасности и сотрудничеству в Европе) Парижская хартия является наиболее важным документом после Хельсинкского Заключительного акта 1975 года. По мере того как мир с 1990 года развивался и менялся, отношение к Хартии распалось в основном на две точки зрения. Первая, что провозглашённые в ней принципы и тезисы незыблемы и что для решения проблем надо просто их соблюдать. И вторая, что Хартия декларировала многие прекрасные вещи, но мировой и исторический контекст с тех пор претерпевал кардинальные изменения и что на деле многое из провозглашённого тогда в Париже не выдержало проверку временем. Во многом с этим трудно не согласиться, ведь если бы провозглашения некоего абстрактного свода правил человеческого общежития было бы раз и навсегда достаточно, то, вероятно, можно было бы остановиться на Библии, Коране и других священных писаниях.

От времени проведения Парижского совещания в ноябре 1990 года до официального распада Советского Союза оставалось немногим более года. Но фактически он уже всюду шёл по мере того, как союзные республики объявляли о своей независимости. В том числе 12 июня была принята Декларация о государственном суверенитете РСФСР. Начался вывод советских войск из стран Восточной Европы. На территории СССР множились межнациональные конфликты. Быстрыми темпами ФРГ осуществляла поглощение ГДР; 12 сентября в Москве был подписан Договор об окончательном урегулировании в отношении Германии. Последний аккорд в этом процессе прозвучал 3 октября.

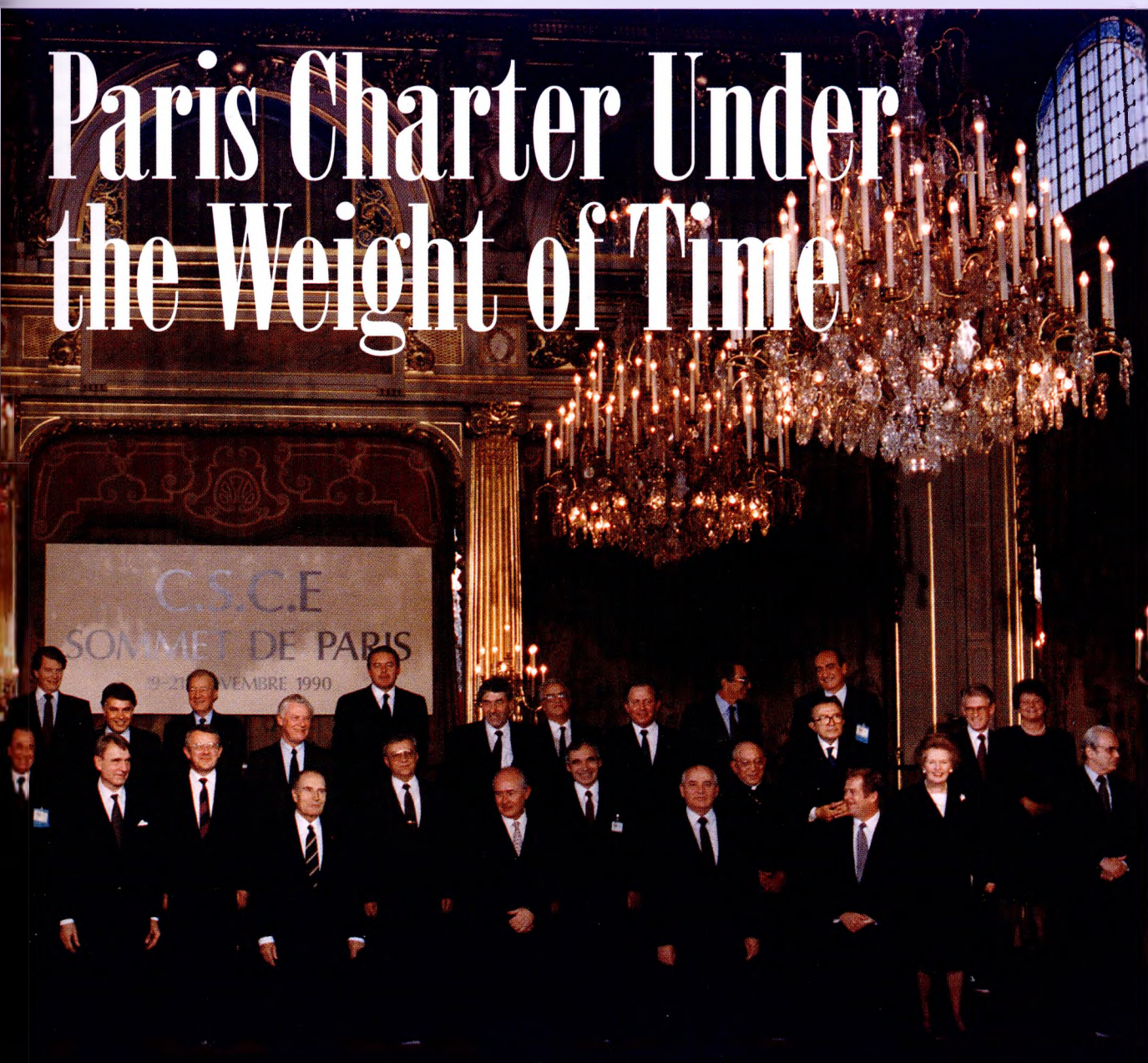
Кто-то может сказать, что обстановка того времени не благоприятствовала подписанию такого масштабного документа, ведь один из его ключевых подписантов – СССР – находился в состоянии полураспада; возникали новые и новые независимые государства, резко менялась военно-политическая обстановка. Другие ответят, что именно тогда открылось окно возможности провозгласить рождение нового мира и, в том числе, подвести черту под «холодной войной». Документ пестрит пафосными заявлениями: «эра конфронтации и раскола Европы закончилась», «занимается заря новой эры», «свободная Европа зовёт к новому почину» и т. п. Были ли эти устремления иллюзиями и наивностью? Отнюдь. Многие, если не большинство, по обе стороны падающего железного занавеса верили

November 21, 2020 marks the 30th anniversary of the Charter of Paris for a New Europe. This document has since been accessed and referenced countless times. Indeed, in line with the activities of the Organization for Security and Cooperation in Europe (until January 1, 1995 — the Conference on Security and Cooperation in Europe), the Charter of Paris is the most important document after the 1975 Helsinki Final Act. As the world has been developing and changing since 1990, attitudes towards the Charter have split mainly into two perspectives. The first is that the principles and key messages

proclaimed in it are unshakable and that in order to solve problems, one just needs to follow them. And the second: that the Charter declared many wonderful things, but the global and historical context has since undergone dramatic changes and that in fact much of what was proclaimed in Paris at that time did not stand the test of time. In many respects, it is difficult to disagree with the latter, because if a proclamation of an abstract set of rules for human society were enough once and for all, then, probably, it would be enough to stop at the Bible, the Koran and other sacred scriptures.

Paris Charter Under the Weight of Time

Групповая фотография мировых лидеров во время Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе в Елисейском дворце в Париже, Франция, 21 ноября 1990. Фото: David Valdez
Group photo of world leaders during the Conference on Security and Cooperation in Europe at the Elysee Palace in Paris, France, November 21, 1990. Photo: David Valdez

Главы государств и правительств принимают участие во Втором саммите СБСЕ в Париже, 19-21 ноября 1990 г. Фото: Министерство иностранных дел Франции/ Frédéric de la Mure

Heads of State and Government take part in the Second CSCE Summit in Paris, 19-21 November 1990. Photo: French Ministry of Foreign Affairs / Frédéric de la Mure

в возможность построения «новой Европы». Более того, эти воззвания были обращены не только к участникам СБСЕ, но «составляющая единое целое и свободная Европа» обращалась ко всем странам мира. Однако с высоты времени очевидно, что Парижская хартия стала своего рода заложником разного восприятия окончания «холодной войны»: в СССР считали, что это Москва внесла решающий вклад в её окончание, тогда как на Западе многие интерпретировали происходившие события как капитуляцию «империи зла».

Хартия не раз отсылает к «мощи идей Хельсинкского Заключительного акта» и называет его знаменитый «декалог»,

десять принципов, путеводной звездой в продвижении к желанному будущему. И здесь нет натяжки, потому что события 1975 года в столице Финляндии были реальным прорывом в вопросах войны и мира в Европе. Тогда все также рассчитывали, что это соглашение надолго обеспечит мирное сосуществование. Но обращает на себя внимание уже сама структура Хартии. Если текст Заключительного акта последовательно описывал «три корзины» – темы безопасности, экономики и гуманитарные вопросы, то в Хартии первая и третья корзины переставлены местами. Декларации демократических ценностей и правозащитная тематика пронизывают весь документ от начала до конца, как бы отодвигая на второй план вопросы безопасности. Уже это показывало, что Хартия была направлена в первую очередь на закрепление происходивших изменений в странах бывшего советского блока и в том направлении, которое её западным участникам казалось наиболее правильным.

С высоты сегодняшнего дня можно утверждать, что Парижская хартия в чём-то заглянула в будущее, а в чём-то уже давно устарела, явившись во многом идеологизированным документом. Например, в нём чётко прописано, что политический плюрализм есть предпосылка развития рыночной экономики, которая в свою очередь ведёт к устойчивому экономическому росту и социальной справедливости. В этом в текст хартии вплетён своеобразный жанр международной инструкции по реформированию десятков государств провозглашённого социализма, которым предлагалась нехитрая формула: вначале переход к рыночной экономике, а затем более высокий уровень благосостояния. Но из истории, в том числе современной, мы хорошо знаем, что последовательность политических и экономических реформ может быть самая разная. Как и то, что рыночная экономика в разных условиях может вести не только к обогащению, но и к обнищанию.

Не выдержал проверку временем тезис Хартии об обязанности защищать этническую, культурную, языковую и религиозную самобытность национальных меньшинств. Многие из таких прав были попорчены ещё в начале 1990-х годов в странах

Почетные гости позируют фотографу на мероприятии ОБСЕ, посвященном празднованию 20-летия подписания Парижской хартии для новой Европы, Париж, 28 октября 2010 г. Фото: МАЕЕ/Фредерик де ля Мюр

Guests of honor pose for a photograph at an OSCE event marking the 20th anniversary of the signing of the Charter of Paris for a New Europe, Paris, 28 October 2010. Photo: MAEE / Frederic de la Mure

From the time of the Paris summit in November 1990 to the official dissolution of the Soviet Union, a little over a year remained. But in fact, it was already in full swing as the union republics had been declaring their independence. Including June 12, when a Declaration of State Sovereignty of the Russian Soviet Federative Socialist Republic was adopted. The withdrawal of Soviet troops from Eastern Europe began. Interethnic conflicts multiplied on the territory of the USSR. The FRG was rapidly absorbing the GDR: On September 12, the Treaty on the Final Settlement with Respect to Germany was signed in Moscow. The last chord in this process rang out on October 3.

Some may say that the situation at that time was not conducive to the signing of such a large-scale document, because one of its key signers - the USSR - was in a half-life state; more and more new independent states were emerging, the military-political situation was changing dramatically. Others will reply that it was then that the window of opportunity opened to proclaim the birth of a new world and, among other things, to draw a line under the Cold War. The document is replete with pretentious statements: "the era of confrontation and division of Europe has ended," "a new era is dawning," "Europe whole and free is calling for a new beginning," etc. Were these aspirations illusions and naivety? Not at all. Many, if not most, on both sides of the falling Iron Curtain believed in the possibility of building a "new Europe." Moreover, these appeals were addressed not only to the CSCE participants, but "a whole and free Europe" addressed to all countries of the world. However, from a perspective of time, it is obvious that the Charter of Paris became a kind of target to different perceptions of the end of the Cold War: in the USSR, they believed that it was Moscow that made a decisive contribution to its end, while in the West many interpreted the events as the surrendering of the "evil empire."

The Charter more than once refers to the "power of the ideas of the Helsinki Final Act" and calls its famous Decalogue, the ten principles, a guiding star on the path towards the desired future. And it is no stretch to say so, because the events of 1975 in the capital of Finland were a real breakthrough in matters of war and peace in Europe. Then everyone also hoped that this agreement would ensure peaceful coexistence for a long time. But the very structure of the Charter itself already calls attention. If the text of the Final Act consistently described the "Three Baskets" - the themes of security, economics and humanitarian issues - then in the Charter the first and third "baskets" are rearranged. Declarations of democratic values and human rights themes permeate the entire document from beginning to end, as if relegating security issues to the background. This already showed that the Charter was aimed primarily at consolidating the changes that were taking place in the countries of the former Soviet bloc and in the direction that seemed most correct to its Western participants.

From today's perspective, it can be argued that the Paris Charter in some way saw into the future, but in some ways it has long become outdated, being largely an ideologized document. For example, it clearly states that political pluralism is a prerequisite for the development of a market economy, which in turn leads to sustainable economic growth and social justice. In this sense, into the text of the Charter, a peculiar genre of international instructions for reforming dozens of states of proclaimed socialism was woven, offering to those a simple formula: first, the transition to

Средиземноморская конференция, 20 октября 2015 г.,
Иордания. Автор: Thomas Koehler

Mediterranean Conference, 20 October 2015, Jordan. Author:
Thomas Koehler

a market economy, and then a higher level of welfare. But from history, including modern history, we well know that the sequence of political and economic reforms can be very different. As well as the fact that a market economy in different conditions can lead not only to enrichment, but also to impoverishment.

The thesis of the charter on the obligation to protect the ethnic, cultural, linguistic and religious identity of national minorities did not stand the test of time. Many of these rights were violated back in the early 1990s in the Baltic countries, e.g. of the Russian-speaking population, to which the EU practically turned a blind eye. Violations in this area have reached an unprecedented scale in recent years in Ukraine, they are distinct in Moldova and other countries.

Like the Final Act, the Charter reiterates the key principles in the field of security laid down in the UN Charter: obligations to refrain from the use of force or the threat of force, territorial integrity, indivisibility of security and freedom of choice in this area ("the freedom of States to choose their own security arrangements.") It is interesting to note that when studying the issue of NATO expansion and whether or not the West has violated its promises not to do so, one often recalls the B. Clinton administration's decision to give the green light to the Alliance's enlargement policy in 1995. However, the text of the Charter shows that the principle of freedom of choice (as in joining military-political alliances) was introduced into international agreements long before that. In the context of November 1990, it was not difficult to understand what kind of freedom of choice was talked about and for whom. Then the Warsaw Treaty Organization crumbled before our very eyes, and anti-Soviet forces came to power in Eastern European countries and in a number of former Soviet republics.

It is important that the Final Act of 1975 did not speak of freedom of choice in the security sector, but of something different: "All peoples always have the right, in full freedom, to determine, when and as they wish,

«...ведь если бы провозглашения некоего абстрактного свода правил человеческого общежития было бы раз и навсегда достаточно, то, вероятно, можно было бы остановиться на Библии, Коране и других священных писаниях.

Прибалтики в отношении русскоязычного населения, на что в Евросоюзе фактически закрыли глаза. Беспрецедентных масштабов нарушения в этой сфере достигли в последние годы на Украине, отмечают они в Молдове и других странах.

Как и Заключительный акт, Хартия повторяет ключевые принципы в области безопасности, заложенные в Уставе ООН: обязательства воздерживаться от применения силы или угрозы силой, территориальная целостность, неделимость безопасности и свобода выбора в этой области («свобода государств выбирать способ обеспечения своей собственной безопасности»). Интересно отметить, что при изучении вопроса о расширении НАТО и нарушенных или нет Западом обещаниях это не делать, часто вспоминают о решении администрации Б.Клинтон дать зелёный свет политике расширения Альянса в 1995 году. Однако текст хартии показывает, что принцип свободы выбора (вступления в военно-политические альянсы) был внедрён в международные соглашения задолго до этого. В контексте ноября 1990 года нетрудно было понять, о какой свободе выбора идёт речь и для кого. Тогда Организация Варшавского договора на глазах рассыпалась, а к власти в восточно-евро-

пейских странах и в ряде бывших республик СССР приходили антисоветские силы.

Важно, что в Заключительном акте 1975 года говорилось не о свободе выбора в сфере безопасности, а о нечём ином: «все народы всегда имеют право в условиях полной свободы определять, когда и как они желают, свой внутренний и внешний политический статус без вмешательства извне и осуществлять по своему усмотрению свое политическое, экономическое, социальное и культурное развитие». Как видно, большая разница. Вероятно, в 1990 году положились на то, что принцип свободы выбора был увязан с идеей о неделимой безопасности, что якобы не позволит использовать его в пользу одной из сторон. Но эти ожидания действительно оказались иллюзорными. На сегодня натовская политика «открытых дверей» считается железобетонной, а попытки напомнить о другой части формулы встречают лишь ухмылку.

Парижская хартия стала важным импульсом в деле содействия контролю над вооружениями и разоружению. Ещё до её подписания, в ходе Совещания, 19 ноября 1990 года был заключён Договор об обычных вооружённых силах в Европе, переговоры о котором велись в рамках СБСЕ. За ним последовало сокращение огромного количества вооружений с обеих сторон. Затем в марте 1992 года 23 страны-члена Совещания подписали Договор по открытому небу (ДОН), который вступил в силу в 2002 году и насчитывал уже 33 участника. Последний, в отличие от ДОВСЕ, до сих пор действовал, хотя и доживает свои последние дни (до 22 ноября 2020 года). Однако все эти завоевания миротворческой деятельности ОБСЕ уже почти полностью перечёркнуты. ДОВСЕ давно ушёл в прошлое после того, как ни одна из стран НАТО его не ратифицировала. Администрация Трампа, фанатично разрушавшая все последние годы систему контроля над вооружениями, вышла из ДОН. Естественно, каждый раз, как это было и в отношении Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, Вашингтон и его союзники во всём обвиняли Россию.

В Парижской хартии ещё искренне говорилось о том, что угроза конфликта в Европе уменьшилась. Сам термин Европа, как и европейская культура, в ней употреблялся расширенно, включая территорию СССР, по крайней мере его европейскую часть. Тогда ещё мало кому приходило в голову, что Европу как часть света надо ограничить лишь теми странами, которые входят в Евросоюз. С удовлетворением отмечалась и «растущая роль ООН в мировых делах и её повышающаяся эффективность». Термин «миропорядок, основанный на правилах» тогда пока не изобрели. Было ещё далеко и до нарушения западными странами Устава ООН при военных вторжениях в Югославию, Ирак, Ливию, Сирию.

Интересную метаморфозу претерпели формулировки и принципы Заключительного акта в Хельсинки в тексте Парижской хартии. Мало того что там вопросы социальной справедливости были соподчинены условиям политических реформ и внедрению рыночной экономики, но теперь речь шла об обязательствах «более глубокой интеграции <...> в международную экономическую и финансовую систему». Опять же риторический вопрос: на каких условиях СССР и другим близким ему странам предлагалось заниматься этой интеграцией

Пленарное заседание, посвящённое открытию Совещания по рассмотрению выполнения обязательств в области человеческого измерения ОБСЕ (СРВЧИ). Варшава, 16 сентября 2019 г. Автор: OSCE/Maria Kuchma.

Plenary session dedicated to the opening Commitment Review Meetings in the OSCE Human Dimension (HDIM). Warsaw, September 16, 2019 By OSCE / Maria Kuchma.

...because if a proclamation of an abstract set of rules for human society were enough once and for all, then, probably, it would be enough to stop at the Bible, the Koran and other sacred scriptures.

their internal and external political status, without external interference, and to pursue as they wish their political, economic, social and cultural development." As one can see, there is a big difference. Probably, in 1990, they relied on the fact that the principle of freedom of choice was linked to the idea of indivisible security, which supposedly would not allow it to be used in favor of one of the parties. But these expectations really turned out to be illusory. Today, NATO's open-door policy is considered rock-solid, and attempts to recall the other part of the formula are to be scoffed at.

The Charter of Paris has provided an important impetus for promoting arms control and disarmament. Even before its signing, during the Meeting, on November 19, 1990, the Conventional Armed Forces in Europe (CFE) Treaty was signed, which was negotiated within the framework of the CSCE. It was followed by a huge reduction in armaments on both sides. Then, in March 1992, 23 member countries of the Meeting signed the Treaty on Open Skies, which entered into force in 2002 and already had 33 participants. The latter, unlike the CFE Treaty, was still in effect, although it is living out its last days (until November 22, 2020). However, all these gains of the OSCE peacekeeping activity have already been almost completely erased. The CFE Treaty has long become a thing of the past after none of the NATO countries ratified it. The Trump administration,

Главы государств и правительств на встрече ОБСЕ на высшем уровне, Астана, 1 декабря 2010 г.
Автор: ОБСЕ/Владимир Трофимчук

Heads of States and Governments at the OSCE Summit, Astana, December 1, 2010.
By OSCE / Vladimir Trofimchuk

Участники последнего этапа заседания ОБСЕ по структурированному диалогу на тему актуальных и будущих проблем безопасности, 6 июня 2017 г., Вена.
Автор: ОБСЕ/Юлия Шропшир

Participants in the last round of the OSCE Structured Dialogue Meeting on Current and Future Security Issues, 6 June 2017, Vienna. Posted by OSCE / Julia Shropshire

which has been fanatically destroying the arms control system in recent years, has withdrawn from the Treaty on Open Skies. Naturally, every time, as was the case with the Intermediate-Range Nuclear Forces Treaty, Washington and its allies blamed Russia for everything.

The Charter of Paris also sincerely stated that the threat of conflict in Europe had diminished. The concept of Europe itself, as well as European culture, was expanded, and included the territory of the USSR, at least its European part. At that time, hardly anyone still thought that Europe as a part of the world should be limited only to those countries that are included in the European Union. The "the growing role of the United Nations in world affairs and its increasing effectiveness" was also noted with satisfaction. The term "rules-based international order" had not yet been invented. It was still far from the violation by Western countries of the UN Charter during military incursions into Yugoslavia, Iraq, Libya and Syria.

The wording and principles of the Helsinki Final Act in the text of the Charter of Paris underwent an interesting metamorphosis. Not only were the issues of social justice subordinated to the conditions of political reforms and the introduction of a market economy, but now it was about the obligations of "increased integration <...> into the international economic and financial system." Again, a rhetorical question: on what conditions were the USSR and other nearby countries proposed to engage in this integration in the context of the growing economic and political collapse throughout the territory, which would later be called the post-Soviet space?

It is clear that after the liquidation of the Council for Mutual Economic Assistance in June 1991, Russia, like all the former Soviet republics, as well as the East Europeans, had to integrate into the growing globalization according to someone else's rules, with the creation of which they had nothing to do. What mechanisms of economic development were then proposed in the Charter for the CSCE members? Meanwhile, the European Economic Community (the forerunner of the EU), the Bretton Woods institutions, the Organisation for Economic Co-operation and Development, the European Free Trade Association; in other words, those structures that

Хартия не раз отсылает к «мощи идей Хельсинкского Заключительного акта» и называет его знаменитый «декалог», десять принципов, путеводной звездой в продвижении к желанному будущему.

в условиях нарастающего экономического и политического коллапса на всей территории, которую позже назовут постсоветским пространством?

Ясно, что после ликвидации Совета экономической взаимопомощи в июне 1991 года встраиваться в набирающую обороты глобализацию России, как впрочем и все бывшие советские республики, а также восточноевропейцы, должны были по чужим правилам, к созданию которых они не имели отношения. Какие же механизмы экономического развития тогда предлагались в Хартии для членов СБСЕ? Признавались роль Европейского экономического сообщества (предтеча ЕС), Бреттон-Вудские учреждения, Организация экономического сотрудничества и развития, Европейская

Мигранты подлезают под колючей проволокой на границе Сербии и Венгрии, 2015.
Автор: Gémes Sándor/SzomSzed

Migrants crawl under barbed wire on the Serbian-Hungarian border, 2015. By Gémes Sándor / SzomSzed

ассоциации свободной торговли, другими словами, те структуры, которые были опорой финансово-экономического развития западного мира.

Любопытно и то, что самый короткий раздел Парижской хартии посвящён миграции. В США и Западной Европе тогда царили настроения победителей, строились большие планы на длительный период процветания и благополучия после окончания «холодной войны» с подключением прилежных учеников из бывшего соцлагеря. Евросоюз предвкушал новые волны расширения, как и НАТО вскоре стало с нетерпением приглашать в свои ряды новых и новых членов. Тогда вряд ли кто-то мог представить, что 15 лет спустя после подписания Хартии ЕС захлестнёт «неконтролируемая миграция» из близлежащих регионов. В Хартии упоминается и Средиземноморский регион как «важный фактор стабильности в Европе»; высказывается озабоченность сохраняющейся в нём напряжённости и одновременно решимость решить все проблемы. Однако в реальности по прошествии 30 лет регион пребывает в самом скверном состоянии за всю послевоенную историю. Упоминается в документе и опасность терроризма, но вскользь, как и опасность незаконного оборота наркотиков. И эти проблемы, к сожалению, приняли с тех пор несравненно большие пропорции.

Отражением момента истории при подписании Хартии было место проведения Совещания – Париж. В те дни Германия только объединялась и ей было ещё далеко до статуса европейского лидера, который она обрела в начале XXI века. Если похожий по весу документ подписывался бы в наши дни, то, наверняка, он получил бы название Берлинского или Брюссельского.

Парижская хартия для новой Европы была порождением своего времени, отразила в себе как искренние устремления европейцев, так и трезвый политический расчёт тех, кто тогда геополитически возвышался. В отличие от своего предшественника – Заключительного акта в Хельсинки – она не была продуктом многолетних усилий дипломатий конкурирующих систем, каждая из которых выверяла в тексте каждое слово, исходя из своих интересов. Но одновременно нельзя не признать, что с тех пор не было создано иного международного соглашения, в котором была бы предпринята попытка такого комплексного подхода к вопросам войны и мира, экономического и гуманитарного развития. Мир за время, прошедшее с 1990 года, стал во многом более опасным местом для проживания. По влиянию на ход событий Парижская хартия как многостороннее международное соглашение ушла в прошлое, но многое из сказанного в ней, в том числе идеи о новой и единой Европе, остаются не менее злободневными.

The Charter more than once refers to the “power of the ideas of the Helsinki Final Act” and calls its famous Decalogue, the ten principles, a guiding star on the path towards the desired future.

constituted the backbone of the financial and economic development of the Western world were recognized.

It is also interesting that the shortest section of the Paris Charter was devoted to migration. In the United States and Western Europe, triumphalism then reigned, and great plans were made for a long period of prosperity and prosperity after the end of the Cold War, with the involvement of diligent students from the former socialist camp. The European Union looked forward to new waves of enlargement, just as NATO soon began to eagerly invite new and new members into its ranks. Then, hardly anyone could have imagined that 15 years after the signing of the Charter, “uncontrolled migration” from neighboring regions would overwhelm the EU. The Charter also mentions the Mediterranean region as “an impor-

tant factor for stability in Europe”; it expressed concern over its continuing tensions and, at the same time, was determined to resolve all problems. However, in reality, after 30 years, the region is in the worst condition in the entire post-war history. The document also mentions the danger of terrorism, but only briefly, as well as the danger of illegal drug trafficking. And these problems, unfortunately, have since then taken on incomparably large proportions.

Historical moment of the Charter signing was reflected in the place of the summit Meeting - Paris. In those days, Germany was still undergoing the reunification process and was still far from the status of a European leader, which it acquired at the beginning of the 21st century. If a document of a similar weight were signed today, then, for sure, it would be called after Berlin or Brussels.

The Charter of Paris for a New Europe was a product of its time, reflecting both the sincere aspirations of the Europeans and the sober political calculation of those that then were rising geopolitically. Unlike its predecessor, the Helsinki Final Act, it was not the product of many years of diplomacy efforts of rival systems, each of which verified every word in the text based on its own interests. But at the same time, one cannot but admit that, since then, no other international agreement, which would have attempted such a comprehensive approach to the issues of war and peace, economic and humanitarian development, has been created. The world has become, in many ways, a much more dangerous place to live since 1990. In terms of its influence on the course of events, the Paris Charter as a multilateral international agreement is a thing of the past, but much of what was said in it, including the ideas of a new and united Europe, remain no less topical.

Участники пленарного заседания, посвященного открытию 16-го ежегодного Сессии ОБСЕ по осуществлению человеческого измерения. Варшава, 24 сентября 2012 г.

Автор: OSCE/Piotr Markowski

Participants in the opening plenary session of the 16th Annual OSCE Meeting on the Implementation of the Human Dimension. Warsaw, 24 September 2012. By OSCE / Piotr Markowski

